

«А есть ли другие?» заговорил Саджи. Парень выглядел серьезным, нахмурившись и кивнул, соглашаясь с моими выводами о моральном состоянии тех, кто готов использовать магию разума на других. «Другие виды магии, которые могут быть опасны?»

«Магия разума — это большое дело, но любая магия, которая контролирует волю, заставляет что-то делать или напрямую порабощает», — начал перечислять я, — «Некромантия это тоже большое табу. Изменение формы другого человека так же опасно, как и магия разума. И самое важное: убийство». Я со вздохом покачал головой. «Убийство с помощью магии — одна из самых опасных вещей».

Конечно обычно не была очень экспрессивной девушкой, но, услышав последний пункт моего списка, она медленно села, выпрямилась и прищурила глаза, глядя на меня.

«Значит, если кто-то вроде тебя использует подобную магию, то в конечном итоге он сойдет с ума или что-то такое?» Исе скрестил руки и нахмурился, придя к такому выводу. Я поморщился и повертел ладонью в неуверенном жесте.

«Всё не так просто», — признался я ему. «Это также зависит от человека, от того способен ли он противостоять изменениям. От того как часто он использует подобную магию, какой именно тип магии он использует. Есть артефакты и магические предметы, вещи, которые можно сделать или уже существуют, которые могут ограничить или даже отменить порчу. Если волшебник достаточно усердно тренируется, он также может приобрести необходимую самодисциплину, чтобы не подвергнуться воздействию. Но в любом случае это опасно: за большинство предметов, которые могут помочь, придется заплатить высокую цену и, если волшебник становится слишком самоуверенным и просто думает, что он достаточно хорош, чтобы сопротивляться этому, когда на самом деле это не так, он может чертовски быстро свернуть на эту скользкую дорожку, и ни одни тормоза не помогут».

Были и другие виды магии, другие вещи, от которых волшебнику следует держаться подальше и к которым следует относиться очень, очень осторожно. В моем мире существовали законы и табу.

В моем мире эти семь табу были перечислены в Законах Магии. Не убивайте смертных, не изменяйте форму другого, не вторгайтесь в разум других, не нарушайте свободную волю других, не используйте некромантию против невольных духов мертвых, не плывите против потоков времени и не тянитесь за Внешние Врата.

Таковы были правила в моем мире, и если вы их нарушите, то можете ожидать, что Стражи найдут вас, где бы вы ни прятались, а мечи, которые были у большинства Стражей, были не просто для галочки. Вас не ждет суд, только казнь.

Ну, большую часть времени. Я нарушил первый закон, ещё когда был учеником, после того как мой учитель Джастин Дюморн попытался нарушить четвертый закон и поработить меня. Меня чуть не казнили, но мой дедушка Эбинизер Маккой, хотя я тогда еще об этом не знал, поручился за меня и вызвался быть моим учителем. Я провел значительную часть своей молодой взрослой жизни под Проклятием Дамокла: постоянное наблюдение стражей и мое обезглавливание было бы немедленной реакцией, если бы я когда-либо показал намек на то, что снова нарушу Законы.

Что забавно, сейчас я считал, что они были правы. За последние годы я это слишком хорошо понял.

Анастасия Люччио выразила это лучше всего, когда описала цель Белого Совета: он

существовал не для того, чтобы помогать людям, он существовал как сдерживающая сила. Совету было бы все равно, если бы вы просто накинули на себя вуаль и пошли в банк, чтобы ограбить его. Это не было опасным по своей сути применением силы, хотя это был своего рода мудацкий поступок. Совет заботился о том, чтобы достаточное количество людей не было развращено собственной самоуверенностью, чтобы люди не пересекали границы, которые могли бы им навредить. Он заботился о том, чтобы те, кто обладал силой, использовали ее таким образом, чтобы не подвергать опасности ни окружающих, ни самих себя.

Во всяком случае, пока они не были к этому готовы.

Я не лгал, когда говорил, что есть способы избежать такого рода саморазрушительного цикла. Эбинизер носил титул «Черный Посох» и владел одноименным артефактом. Это был опасный инструмент, вещь, которая могла остановить такое развращающее влияние, но она заставляла владельца платить за него огромную цену ослабляя тело.

И хотя в итоге я убил ее, была некромант Кумори, которая использовала некроمانтию, чтобы спасти жизнь человека, и которая прошла необходимую подготовку, чтобы избежать негативных последствий такого рода магии.

Но в магии таилось больше опасностей, чем та, что она представляет для вашего разума.

Когда я был еще молод, и да, я считал, что мой второй десяток лет входил в этот промежуток времени, я верил, что магия — это инструмент, что она не может быть хорошей или плохой, что ее определяет только то, как ее используют.

Я ошибался.

Я встречался с силами, которые были поистине злыми. Силами, которые по самой своей природе были ужасными, извращенными, неправильными, и любой, кто их использовал, был неизбежно осквернен ими. Мой старый остров, Духоприют, был источником такой силы. Это была тюрьма, построенная столетия назад самим Мерлином для некоторых из самых злых, опасных и ужасных существ на свете, и их сила хлынула по острову с достаточной силой, чтобы сделать его источником одной из самых темных лей-линий в мире.

Если бы я попытался использовать эту силу, когда был еще неопытен, она сломала бы меня. Рашид, Привратник, предупредил меня об этом, после того как я подрался с духом, что и был Духоприютом, прежде чем подружиться с ним. Он был прав. Мне потребовались годы, многие годы, прежде чем я начал достигать точки, когда я мог справиться хотя бы с частью этой темной энергии. К тому времени, когда я отправился в свой вечный отпуск за Внешние Врата, я все еще не был уверен, что смогу по-настоящему владеть им.

Но я учился и достиг того момента, когда, если бы мне было нужно, я мог бы, условно-безопасно использовать его силу.

Наверное, я стал бы полноправным владельцем, когда мне исполнилось бы первое столетие, но, эй, были причины, по которым до этого момента никто не воспринимал тебя всерьез как волшебника.

«...ты способен сопротивляться?» Конек отвлекла меня от мыслей, и я взглянул на нее. Она все еще с подозрением наблюдала за мной, и я не винил ее. Я уже знал, какой будет следующий вопрос. «...тогда. В церкви. Ты убил тех экзорцистов».

«Что?» Саджи моргнул, одарив меня пустым взглядом.

«Риас упоминала об этом», Сона просто медленно кивнула, нахмурившись при этом. «Она сказала, что это было во время боя. Наверняка это поможет сопротивляться тем эффектам, о которых вы упомянули ранее?»

Я вздохнул, чувствуя себя задумчивым, и позволил своему взгляду упасть на землю передо мной. «Как я уже сказал. Всё не так просто. Это не похоже на кнопку, которую просто нажал, и внезапно тебя охватывает желание найти федору и отрастить усы, чтобы ты мог начать крутить их, злобно хохоча. Есть разница между использованием моей магии для создания огня или льда, и применением к кому-то, скажем, заклинания, созданного для того, чтобы вырвать сердце на расстоянии. Есть также разница между использованием магии для убийства невинного прохожего и использованием магии в пылу битвы».

«Дрезден-кун», — я поднял взгляд, когда заговорила Асия. Она выглядела нервной и немного грустной. — «Я... мне очень жаль, что тебе пришлось сделать что-то подобное», — торопливо продолжила она, внезапно поклонившись. «Если бы не я... это моя вина в том, что тебе пришлось сделать что-то такое опасное? Ты сожалеешь, что тебе пришлось сделать что-то подобное?»

«Асия-тян», — запнулся Исе, выглядя так, словно он боролся с замешательством, которое плачущие женщины внушали мужчинам, судя по всему, во всех мирах, а его руки колебались между тем, чтобы обнять ее, и страхом прикоснуться к ней и усугубить плач.

«Жалею ли я об этом?» — медленно спросил я, прежде чем покачать головой. «Нет. Они затащили невинную девушку в подвал, пытали ее и убили, и все из-за собственной жадности. Они стояли в стороне и ничего не делали, когда ты умерла, и даже помогли убить тебя. Затем они напали на нас с намерением убить. Так что нет, я ни капельки не жалею, что убил этих больных ублюдков». Я холодно улыбнулся этому воспоминанию, прежде чем поморщиться. «С другой стороны, я мог бы просто заморозить землю под их ногами, чтобы уронить их или приморозить их конечности к земле. Я мог бы вырубить их или просто прогнать».

Я вздохнул, чувствуя себя очень, очень старым и немного напуганным.

Я сильно изменился за эти годы. В самом начале одной мысли об убийстве другого человека было достаточно, чтобы меня тошнило. Но со временем, когда меня втягивало во все больше и больше сражений, ситуация начала меняться. Когда мне нужно было остановить Темносияние, я убил двух человек вне боя: Человека-Змею Кассиуса и Собирателя Трупов. Сначала этот случай преследовал меня. Какое-то время мне снились кошмары. Они исчезли. Некоторое время спустя я закопал гуля по шее в запеченный до состояния стекла песок, а затем выстрелил ему в затылок. От этого у меня тоже были кошмары, но их было меньше, и они приходили реже.

Не так давно я думал о хладнокровном убийстве Исе только потому, что он стал дьяволом. От этого у меня не было кошмаров.

Возможно, это был мой процесс искажения. Возможно, это был результат мантии Зимнего Рыцаря. Возможно, это произошло только потому, что я участвовал в войне, чтобы защитить свое Творение от убийственных сил из Внешнего миров, и теперь у меня было гораздо более размытое представление о “приемлемом насилии”.

Как бы то ни было, я стал тем, кто мог убивать без пощады, если бы мне это было нужно.

Боже, помоги мне, я до сих пор не мог понять, то ли это меня исказила темная магия, то ли это просто тот человек, которым я стал естественным образом после всего, через что мне пришлось пройти.

«...говорил, что ненавидишь сражаться со смертными», — добавила Конeko, все еще глядя на меня. Однако теперь она казалась менее осторожной и более любопытной.

«Подожди...» — медленно начал Саджи, глядя на меня. «Ты ведь на самом деле не знаешь заклинания, чтобы вырвать чье-то сердце, верно?»

«Ну», — начал я, намеренно игнорируя этот вопрос. На самом деле, не было хорошего способа ответить на него. «Было бы намного проще, если бы я мог просто раздобыть дробовик или хороший револьвер. Это решило бы проблему!»

«Дрезден-кун», — Сона свирепо посмотрела на меня. Это было чрезвычайно легко понять, учитывая, как близко она подкралась, чтобы иметь возможность яростно ущипнуть меня за щеку. «Что я говорила об огнестрельном оружии?»

«'то я го'орил нас'ет 'ипания за 'еки?» Я огрызнулся, дергая её за руку. Всё, с меня хватит. Некоторое время я сдерживался, поскольку, честно говоря, я понятия не имел как ответить на то, что кто-то вот так меня дергает, но этого было достаточно. Протянув руку, я положил ей её на голову и начал трепать ее волосы. «'олу'ай!»

«Дрезден-кун!» — огрызнулась Сона, краснея от неожиданного контакта. «Прекрати это немедленно!»

«Сна'ала ты!» Я сказал ей, когда она начала махать свободной рукой, отказываясь отдать мою щеку, пытаясь отразить мое нападение на ее волосы. Сочетание толчка и тяги дошло до того, что она потеряла равновесие и издала небольшой писк, когда упала. В свою очередь, я мужественно вскрикнул, поскольку она отказалась отпустить мою щеку, и мне тоже пришлось опуститься вниз, чтобы сохранить лицо в относительной целостности.

«О», - услышал я голос Зеновии, продолжая ответное нападение на того, кто ущипнул меня за щеки. «Значит, это тоже своего рода флирт. Обрати внимание, Асия. Возможно, нам придется попробовать этот метод».

При слове “флирт” я остановился и осознал наше положение: Сона извивалась на земле, я стоял над ней на четвереньках, ее рука лежала на моей щеке, а моя застыла на ее голове. Адские колокола. Эта позиция была даже хуже той, в которую меня заманила Цубаса.

Ты всегда можешь потянуть её за волосы, — засмеялась Лэш.

Я не мог ничего поделать с тем, чтобы остановить чертов румянец, вызванный этим комментарием. Сона, похоже, тоже осознала наше положение, и я увидел умильный вид: ее глаза расширились, а щеки покраснели еще больше. Она замерла, неуверенно глядя на меня.

Прошло очень, очень много времени с тех пор, как я находился в положении, хотя бы отдаленно похожем на это: с тех пор, как я был так близко к женщине, с тех пор, как я впервые почувствовал, насколько они на самом деле мягкие. Я даже не заметил, как моя рука сместилась с её волос, абсолютно без моего контроля мягко остановившись на её щеке.

Мой взгляд переместился на ее губы, и я задался вопросом, какими они будут на вкус. Мои гормоны с энтузиазмом поддержали эту мысль. Мой здравый смысл перечислял причины, почему это была бы плохая идея, но мне было трудно прислушаться к этой части себя.

Я видел, как Сона уловила мой взгляд, а также слышал ее тихое дыхание.

«Кайчо!» Голос Саджи прорвался сквозь то оцепенение, в которое меня ввергло мое чертовое подростковое тело, и этого было достаточно, чтобы остановить поток мыслей, которые мне действительно стоило проигнорировать. Сона моргнула, и я не позволил себе задуматься, был ли её поток мыслей похож на мой.

«Хрк», — заявил я, быстро поднимаясь и отворачиваясь в сторону, откашливаясь. Сона тоже поднялась довольно быстро, и краем глаза я мог видеть, как она тоже повернулась, пока почти не отвернулась от меня. — «Ну», — начал я, говоря очень быстро и неловко поправляя одежду. «Длинный день. Очень интересно».

«Да», — сразу согласилась она, соответствуя моему темпу. «Очевидно, это знак того, что будущие уроки пройдут гладко. Пожалуй, на этом стоит остановиться на сегодня».

«Отлично, отлично», — я быстро кивнул. «Остановиться — это правильно. Я, пожалуй, пойду. Есть работа и все такое».

«Да», она тоже кивнула. «Есть дела, которыми мне следует заняться немедленно. Тогда я с вами прощаюсь».

«Ты уверен, что между тобой и Кайчо ничего нет, Дрезден?» Исе проворчал, и в ответ я направил свой посох, чтобы коротким потоком воли уронить его в ту сторону, где стояли Асия и Зеновия. «Что за-!»

«Шанс!» — не подвела меня Зеновия. «Асия! Тот, кто нанесет удар первым, одержит победу! Без Президента у нас есть возможность!»

«Э-э-э?» Асия сильно покраснела, прежде чем твердо кивнуть, приняв то свое воинственное лицо, которое грозило всем вокруг клубками пряжи. «Хай!»

«Верно», — согласился я с Соной, игнорируя кучу из людей, которую я создал. «Ухожу. Хорошо. Ну тогда. Пока».

«Да. Спокойной ночи», — Сона кивнула в последний раз, все еще отказываясь смотреть на меня, и мы оба немедленно разошлись. Сона шла довольно деревянной походкой, и я был почти уверен, что делаю то же самое.

Покидая поляну, все еще освещенную жутким светом огоньков, которыми я ее заселил, я пришел к решению. Первое, что я сделаю, вернувшись домой, — приму душ. Очень холодный душ.